МРНТИ 02.41.51 https://doi.org/10.48010/2026.4/1999-5911.08

ГИБРИДНОСТЬ ДО САМОНАЗВАНИЯ: РЕФЛЕКСИВНЫЙ РАЗРЫВ ИДЕНТИЧНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ ОПРОСА КАЗАХСТАНСКИХ СТУДЕНТОВ

[1]А.Г. Сабитов, [2]А.С. Танабаева[*], [3]Д.В. Бакарасов,
[4]С.Е. Нурмуратов, [5]Ж.Н. Бекенова
[1,3,4]Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК (Алматы, Казахстан)
[2]Казахско-Американский университет (Алматы, Казахстан)
[5]Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)
[1]almas.sabitov.founder@gmail.com, [2]anarasaduakas2030@gmail.com,
[3]denis.bakarassov@gmail.com, [4]s.nurmuratov@mail.ru, [5]bekenova.zhumagul@kaznu.kz

[1]A. Sabitov, [2]A. Tanabayeva[*], [3]D. Bakarassov, [4]S. Nurmuratov, [5]Zh.N. Bektenova
[1,3,4]Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MSHE RK (Almaty, Kazakhstan)
[2]Kazakh-American University (Almaty, Kazakhstan)
[5]Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)
[1]almas.sabitov.founder@gmail.com, [2]anarasaduakas2030@gmail.com,
[3]denis.bakarassov@gmail.com, [4]s.nurmuratov@mail.ru, [5]bekenova.zhumagul@kaznu.kz

Ссылка: Сабитов А.Г., Танабаева А.С., Бакарасов Д.В., Нурмуратов С.Е., Бекенова Ж.Н. Гибридность до самоназвания: рефлексивный разрыв идентичности на материале опроса казахстанских студентов // *Аль-Фараби.* – 2026. – Т. 24. № 4(96). – С. 103-117.

Аннотация. В работе исследуется несовпадение между сообщаемой множественной культурно-социальной принадлежностью и выбором «смешанной» идентичности. Это наблюдаемое несовпадение обозначено как рефлексивный разрыв. Материал исследования включает неслучайную выборку 234 студентов, опрошенных онлайн 13–25 февраля 2026 года. Применены таблицы сопряжённости, критерий χ^2 Пирсона, коэффициент φ и бинарная логистическая регрессия. Множественную принадлежность отметили 73,9% респондентов. Профиль «множественность без смешанного самоназвания» составил 48,7% выборки (95% ДИ: 42,4–55,1) и 65,9% среди участников с множественной принадлежностью (95% ДИ: 58,6–72,5). Половина носителей разрыва ранее встречала термин «гибридная идентичность», а 78,1% выбрали одну из предложенных содержательных интерпретаций. Множественная принадлежность была связана с более высокими шансами смешанного самоназвания (ОШ = 2,38; 95% ДИ: 1,11–5,11) и внутреннего конфликта (скорректированное ОШ = 2,64; 95% ДИ: 1,36–5,15). Самоназвание независимой связи с конфликтом не показало. «Рефлексивный разрыв» описывает отношение между ответами, а не психологический дефицит или доказанную

* Автор-корреспондент: А.С. Танабаева, anarasaduakas2030@gmail.com

временную стадию. Практическая множественность может не становиться главным именем «Я» даже при доступном понятийном словаре.

Ключевые слова: гибридная идентичность, множественная принадлежность, самоназвание, рефлексивный разрыв, студенческая молодёжь, Казахстан, внутренний конфликт.

Введение

Идентичность похожа на карту, которая всегда немного запаздывает за местностью: человек уже живёт между несколькими культурными берегами, а линия его самоописания всё ещё проведена по прежнему руслу. Это запаздывание обычно остаётся за пределами измерения. Исследователь фиксирует принадлежность или ярлык, но редко спрашивает, совпали ли они. Между тем именно несовпадение может быть ключом к пониманию современной идентичности. Оно показывает не только то, кем субъект себя считает, но и то, какую часть собственного опыта он ещё не перевёл в устойчивое имя.

Понятие гибридности вошло в гуманитарные науки как способ мыслить формы жизни, которые не помещаются в логику чистого происхождения и закрытых культурных границ. В постколониальной теории Х. Бхабхи гибридность связана с промежуточным пространством производства новых значений [1]. У С. Холла культурная идентичность понимается не как завершённая сущность, а как позиционирование внутри истории и репрезентации [2]. Эти подходы освободили анализ от предположения, будто смешение есть отклонение от нормы. Однако мы можем заметить, что их успех породил обратный риск. Аналитическое понятие стало слишком легко переноситься на самих акторов. Если исследователь видит гибридную конфигурацию, то субъекту нередко молчаливо приписывается и гибридное самосознание.

Такой перенос смешивает два уровня. Р. Брубейкер и Ф. Купер предложили различать идентичность как категорию анализа и как категорию практики [3]. Первая создаётся исследователем. Вторая принадлежит языку повседневного самоопределения. Их совпадение нельзя считать заранее данным. Человек может участвовать в нескольких культурных мирах, менять регистры речи и нормы поведения, но не считать себя «смешанным». Возможна и обратная ситуация. Когда смешанное самоназвание может выражать биографический нарратив, хотя одновременная принадлежность к нескольким сообществам субъективно не переживается. Поэтому самоназвание следует изучать как отдельный социальный акт, а не как прозрачное отражение положения субъекта.

Социальная психология уже располагает средствами для различения множественности и её внутренней организации. Концепция сложности социальной идентичности описывает то, как человек представляет отношения между своими групповыми членствами [4]. Модель интеграции бикультурной идентичности разводит восприятие дистанции и конфликта между культурными ориентациями [5]. Когнитивно-развивающий подход показывает, что множественные идентичности могут проходить через категоризацию, компартментализацию и

ISSN 1999-5911 (Print)
ISSN 2960-2173 (Online)

интеграцию [6]. Позднее эта логика получила психометрическое развитие в шкале интеграции мультикультурной идентичности [7]. Исследования этнокультурного конфликта, в свою очередь, доказали, что наличие нескольких культурных связей и напряжение между ними не являются одним и тем же феноменом [8].

Но мы видим, что и в этих моделях недостаточно прояснён переход от конфигурации опыта к имени. Интеграция отвечает на вопрос, как элементы идентичности соотносятся внутри Я. Самоназвание отвечает на другой вопрос: в какой форме субъект готов сделать это соотношение явным. Между ними находится рефлексивная артикуляция. Она включает распознавание множественности, доступность понятия и готовность применить его к себе. Эти операции могут расходиться во времени и по смыслу. Поэтому гибридность не обязана начинаться с декларации «*я - гибрид*». Она может сначала существовать как режим повседневного переключения, совмещения и напряжения.

В поздней современности вероятность такого расхождения возрастает. Диалогическое Я формируется во множестве реальных и воображаемых позиций [9]. Рефлексивный проект личности требует непрерывного согласования биографии с меняющимися условиями [10]. Глобализация добавляет к локальным источникам самоопределения транснациональные и медиатизированные репертуары [11]. При этом культурные ориентации не вытесняют друг друга механически. Современные модели аккультурации исходят из их относительной независимости и множественности траекторий [12]. Следовательно, объективное расширение репертуара принадлежностей не гарантирует ни их субъективной интеграции, ни появления нового имени.

Казахстан представляет особенно продуктивный контекст для такого вопроса. Его социальное пространство исторически соединяет этничность, язык, гражданство, религию, регион и постсоветские формы мобильности. Исследования показывают, что множественные идентичности здесь не являются новым исключением [13]. На уровне государственного дискурса сосуществуют модели казахскости, казахстанскости и транснациональной открытости [14]. На уровне массовых представлений национальная гордость, язык и религия образуют неодинаковые комбинации [15]. Новейшая казахстанская дискуссия также связывает множественную идентичность с демографической, языковой и гражданской конфигурацией общества [16]. Этот контекст требует от нас не выбора между «традиционным» и «глобальным», а анализа того, как субъект удерживает их вместе и как называет такое удержание.

Само несовпадение переживаемой множественности и выбираемого ярлыка не является неизвестным эффектом. Исследования многорасовой идентификации показали контекстуальную изменчивость самоклассификации и зависимость ответа от предложенных категорий, особенно при принудительном единичном выборе [17–19]. Новизна нашей работы состоит поэтому не в объявлении любого несовпадения новым фактом. Она заключается в переносе вопроса за пределы расового происхождения и в его операционализации на казахстанском материале как отношения между культурно-социальной множественностью, доступностью

понятия, самоназванием и конфликтом. Рефлексивный разрыв именует измеренное несовпадение этих уровней, но не дефицит рефлексии у субъекта.

Соответственно, цель нашей работы состоит в том, чтобы концептуализировать и эмпирически выявить рефлексивный разрыв между сообщаемой множественной принадлежностью и смешанным самоназванием в изученной студенческой выборке. Мы проверяем два ожидания.

Первое: множественная принадлежность связана с большей вероятностью смешанного самоназвания, но профиль M = 1, S = 0 остаётся распространённым.

Второе: внутренний конфликт связан с множественной принадлежностью, тогда как для самого ярлыка «смешанная» такая связь может отсутствовать.

Отметим, что наша формулировка не предполагает временной последовательности между «опытом» и «именем». Наш теоретический вклад состоит в разведении измеряемой принадлежности, лексической доступности, самоназвания и нормативной оценки.

Методология

Наше исследование имеет поперечный разведывательно-аналитический дизайн. Эмпирическую базу составили 234 полные записи электронной анкеты, полученные с 13 по 25 февраля 2026 года. Прямые персональные идентификаторы в аналитическом файле отсутствовали. Оснований считать отбор вероятностным нет, поэтому выборка аналитически рассматривается как неслучайная. Выводы относятся к изученной группе и не экстраполируются на всех студентов Казахстана. В выборке 165 мужчин (70,5%) и 69 женщин (29,5%). Возраст 219 респондентов составлял 18-20 лет (93,6%). На первом курсе учились 93 человека, на втором 83, на третьем 52, на четвёртом 5. Один респондент указал докторантуру. Вариант «технические науки и IT» выбрали 211 участников (90,2%).

Участие в соцопросе было добровольным и анонимным. В начале анкеты было получено информированное согласие от каждого участника.

Ключевые переменные образованы из одиночных вопросов. Множественная принадлежность (M) кодировалась нами как 1 при ответах «да» или «скорее да» на вопрос об одновременной принадлежности к нескольким культурным или социальным сообществам; «скорее нет» и «нет» кодировались как 0. Поскольку вопрос соединяет культурные и социальные сообщества, M фиксирует широкую субъективную множественность, а не гибридную идентичность как таковую. Смешанное самоназвание (S) кодировалось нами как 1 при выборе варианта «смешанная» среди пяти взаимоисключающих ответов; остальные варианты образовали S = 0. Аналитический термин «гибридная» и анкетный вариант «смешанная» мы не считали полными синонимами. У нас S служит минимальным прокси явного самообозначения, а разрыв несовпадением именно этих двух измерительных операций.

Рефлексивный разрыв определён нами как наблюдаемый профиль M = 1, S = 0. Его безусловная выборочная доля рассчитывалась как 114/234, условная

ISSN 1999-5911 (Print) ISSN 2960-2173 (Online)

доля среди участников с M = 1 как 114/173. Для обеих долей приведены 95%-ные интервалы Уилсона. Пересечение M и S образовало четыре описательных профиля. Заметим, что эта типология не является латентной классификацией личности. Она также не доказывает, что множественный опыт хронологически предшествовал самоназванию или оставался нерефлексивным.

Знакомство с понятием задавалось вопросом о прежнем контакте с термином «гибридная идентичность». Для моделей ответы «слышал(а), но не углублялся(ась)» и «да, хорошо знаком(а)» мы объединили и сопоставили с ответом «слышу впервые». Отдельно мы проверили исходную трёхкатегориальную форму. Следующий вопрос предлагал три содержательные интерпретации термина и вариант «затрудняюсь ответить». Он использован нами как дополнительный описательный индикатор понимания, а не как валидированная шкала. Внутренний конфликт мы кодировали как 1 при ответах «иногда» или «часто» на вопрос о конфликте между традиционными ценностями и современным образом жизни; «редко» и «никогда» мы кодировали как 0.

Нами были рассчитаны частоты, таблицы сопряжённости, χ^2 Пирсона и коэффициент φ для таблиц 2 × 2. Две бинарные логистические модели оценивали шансы смешанного самоназвания и внутреннего конфликта. Результаты представлены как отношения шансов (ОШ) с 95%-ными доверительными интервалами; порог $p < 0{,}05$. В модели конфликта дополнительно сопоставлены коэффициенты M и S с помощью критерия Вальда. Устойчивость связи M и S проверена на исходной четырёхкатегориальной переменной принадлежности. Контраст курса включал третий–четвёртый курсы бакалавриата. Единственное наблюдение докторанта для этого контраста кодировано как 0. Все 234 записи полны. Одиночные категориальные вопросы не суммировались в психометрическую шкалу [20].

Множественность опыта и границы самоназвания

Множественную культурную или социальную принадлежность признали 173 студента (73,9%). В то же время вариант «смешанная» выбрали 69 человек (29,5%). Уже это несовпадение показывает, что множественность опыта и форма самоописания имеют разные эмпирические объёмы. Оно не означает, что остальные участники обладают «неверным» сознанием. Цифровое, глобальное или национально-религиозное самоопределение может оставаться для них более значимым, чем способ соединения принадлежностей. Самоназвание и структура опыта отвечают на разные вопросы.

Профиль M = 1, S = 0 включал 114 человек, или 48,7% выборки (95% ДИ: 42,4–55,1). Среди участников с M = 1 его доля составила 65,9% (95% ДИ: 58,6–72,5). Полное совпадение множественности и смешанного самоназвания зафиксировано у 59 человек (25,2% выборки). Ещё 10 респондентов (4,3%) выбрали смешанное самоназвание при M = 0; у 51 человека (21,8%) отсутствовали оба признака. Эти доли описывают ответы в данной выборке, а не скрытые типы личности.

Таблица-1. Характеристики выборки и основные распределения (N = 234)

Показатель	n	%
Женщины	69	29,5
Возраст 18–20 лет	219	93,6
Технические науки и IT	211	90,2
Множественная принадлежность	173	73,9
Смешанное самоназвание	69	29,5
Внутренний конфликт: иногда/часто	105	44,9
Ранее слышали термин	114	48,7
Совместимость национального и глобального	211	90,2
Гибридность — естественный результат	95	40,6
Гибридность способствует толерантности	109	46,6
Связь с новой моделью гражданственности	167	71,4
Усиление гражданской активности	66	28,2

Таблица-2. Профили соответствия множественной принадлежности и самоназвания

Профиль	n	% выборки	% знакомы с термином	% с конфликтом
Множественность с самоназванием	59	25,2	55,9	54,2
Множественность без самоназвания: рефлексивный разрыв	114	48,7	50,0	50,0
Самоназвание без множественности	10	4,3	60,0	40,0
Нет обоих признаков	51	21,8	35,3	23,5

Доступность понятия и структура рефлексивного разрыва

При бинарной кодировке множественная принадлежность была слабо связана со смешанным самоназванием: $\chi^2(1) = 6{,}80$; $p = 0{,}009$; $\varphi = 0{,}171$. Доля S = 1 составила 34,1% при M = 1 и 16,4% при M = 0. В скорректированной модели M = 1 соответствовало более высоким шансам смешанного самоназвания (ОШ = 2,38; 95% ДИ: 1,11–5,11; p = 0,026). Однако анализ с исходными четырьмя категориями принадлежности дал $\chi^2(3) = 7{,}60$; $p = 0{,}055$. Следовательно, первое ожидание поддерживается основной бинарной спецификацией, но сила вывода зависит от порога дихотомизации.

Прежнее знакомство с термином само по себе не объясняло выбор ярлыка. Выражение «гибридная идентичность» впервые увидели 120 человек (51,3%), ранее слышали о нём 92 (39,3%), хорошо знали 22 (9,4%). Доля S = 1 возрастала от 25,0 до 33,7 и 36,4% соответственно, но различия были статистически

неопределёнными: $\chi^2(2) = 2,45$; $p = 0,294$. В скорректированной модели бинарный индикатор знакомства также не был связан с S (ОШ = 1,41; 95% ДИ: 0,79–2,51; $p = 0,250$).

В профиле M = 1, S = 0 ровно 57 участников впервые встретили термин в анкете, а 57 были знакомы с ним ранее. Кроме того, 89 из 114 участников этой группы (78,1%) выбрали одну из трёх содержательных интерпретаций термина, а не вариант «затрудняюсь ответить».

Следовательно, мы можем сказать, что отсутствие прежнего контакта со словом не является универсальным объяснением разрыва. Эти данные, однако, не показывают, обладали ли респонденты устойчивым гибридным самопониманием, сознательно отвергали ярлык или выбрали более значимую единичную категорию.

Конфликт до имени

Внутренний конфликт между традиционными ценностями и современным образом жизни возникал «иногда» или «часто» у 105 респондентов (44,9%). Его доля составила 51,4% при M = 1 и 26,2% при M = 0: $\chi^2(1) = 11,59$; $p < 0,001$; $\varphi = 0,223$. Для смешанного самоназвания различие было меньше и статистически неопределённо: 52,2% при S = 1 против 41,8% при S = 0; $\chi^2(1) = 2,11$; $p = 0,146$; $\varphi = 0,095$. Таким образом, в двумерном анализе доказательность связи с конфликтом была выше для M, чем для S; различие самих коэффициентов здесь ещё не проверяется.

В многомерной модели M = 1 было связано с более высокими шансами внутреннего конфликта при контроле самоназвания, знакомства с термином, пола и курса (ОШ = 2,64; 95% ДИ: 1,36–5,15; $p = 0,004$). Для S = 1 независимая связь не обнаружена (ОШ = 1,20; 95% ДИ: 0,66–2,18; $p = 0,555$), как и для знакомства с термином (ОШ = 1,19; 95% ДИ: 0,69–2,06; $p = 0,527$). При этом прямое сопоставление коэффициентов M и S критерием Вальда не достигло принятого порога значимости ($p = 0,104$). Паттерн согласуется со вторым ожиданием, но не доказывает, что конфликт порождается множественностью и предшествует ярлыку.

Женщины чаще сообщали о конфликте, чем мужчины: 59,4% против 38,8%; связь сохранилась после контроля других предикторов (ОШ = 2,16; 95% ДИ: 1,19–3,91; $p = 0,011$). Неравный состав выборки и отсутствие измерений гендерных норм не позволяют объяснить это различие. Контраст третьего–четвёртого курсов бакалавриата с остальными наблюдениями также не показал независимой связи (ОШ = 1,55; 95% ДИ: 0,83–2,91; $p = 0,172$).

Таблица-3. Логистические модели самоназвания и внутреннего конфликта

Исход	Предиктор	ОШ	95% ДИ	p
Модель 1: смешанное самоназвание	Множественная принадлежность	2,38	1,11–5,11	0,026
	Знакомство с термином	1,41	0,79–2,51	0,250

Исход	Предиктор	ОШ	95% ДИ	p
	Внутренний конфликт	1,23	0,68–2,22	0,498
	Женский пол	1,26	0,68–2,37	0,462
Модель 2: внутренний конфликт	Множественная принадлежность	2,64	1,36–5,15	0,004
	Смешанное самоназвание	1,20	0,66–2,18	0,555
	Знакомство с термином	1,19	0,69–2,06	0,527
	Женский пол	2,16	1,19–3,91	0,011
	Третий–четвёртый курс бакалавриата	1,55	0,83–2,91	0,172

Примечание. ОШ - отношение шансов; ДИ - доверительный интервал. Модель 1 включает множественную принадлежность, знакомство с термином, внутренний конфликт и пол. Модель 2 включает множественную принадлежность, смешанное самоназвание, знакомство с термином, пол и контраст третьего–четвёртого курсов бакалавриата. N = 234. R^2 Мак-Фаддена равен 0,036 и 0,069 соответственно. Модели оценивают связи и не предназначены для классификации.

Нормативная совместимость и практическое напряжение

В наших данных мы выявили ещё одно продуктивное несовпадение. Возможность одновременно быть носителем национальных традиций и частью глобальной культуры признали 211 респондентов (90,2%). Однако 44,9% сообщали о повторяющемся внутреннем конфликте между традиционным и современным. Нормативная совместимость, следовательно, не равна бесконфликтной интеграции.

Мы можем заключить, что человек может считать два мира совместимыми в принципе и всё же сталкиваться с трудностью их согласования в конкретных решениях. Универсальная формула согласия существует легче, чем биографическая практика согласования.

Мы также обнаружили, что общественная допустимость гибридности оказалась шире её личного присвоения. Связь гибридности с новой моделью гражданственности признали 71,4% участников, с толерантностью 46,6%, естественным результатом общественного развития 40,6%, с гражданской активностью 28,2%; смешанное самоназвание выбрали 29,5%. Эти вопросы не образуют общей шкалы, поэтому проценты нельзя непосредственно вычитать друг из друга. Распределение лишь указывает, что публичное нормативное признание не тождественно самокатегоризации.

Обсуждение

Итак, полученные нами результаты требуют рассматривать гибридную идентичность как многоуровневый объект.

ISSN 1999-5911 (Print)
ISSN 2960-2173 (Online)

Первый уровень: сообщаемая принадлежность к нескольким культурным или социальным сообществам. Это широкая множественность, а не прямое измерение гибридности.

Второй уровень: знакомство с термином и способность предложить его содержательное толкование.

Третий: выбор смешанного самоназвания в условиях единичного ответа.

Четвёртый: нормативные оценки последствий гибридности.

Отметим, что эти уровни эмпирически расходятся и не образуют доказанной временной лестницы.

Рефлексивный разрыв обозначает центральную асимметрию: сообщаемая множественность шире, чем готовность выбрать идентичность «смешанная». Это не шкала зрелости и не диагноз. Отказ от ярлыка может сохранять более конкретное цифровое, глобальное или национально-религиозное самоопределение. Поэтому S = 0 нельзя трактовать как отсутствие множественности, а M = 1 автоматически объявлять гибридной идентичностью.

В этом смысле понятие развивает различие между категориями анализа и практики [3]. Оно делает их несовпадение наблюдаемым, но не раскрывает его механизм. Один и тот же профиль M = 1, S = 0 может выражать конкуренцию словарей, непригодность общего ярлыка, приоритет другой идентичности или эффект принудительного выбора. Различить эти варианты способны интервью, многоответные инструменты и продольный дизайн. Таблица сопряжённости фиксирует расстояние между ответами. И его субъективный смысл ещё предстоит установить.

Наши результаты также дополняют модели сложности и интеграции идентичности. Сложность описывает субъективную архитектуру членств [4], а интеграция описывает способы их соединения и переживания совместимости [5–7]. Рефлексивный разрыв вводит иной параметр: степень совпадения между этой архитектурой и публично доступным самоописанием. Он не заменяет существующие конструкты. Он показывает, почему одинаковая множественность может иметь разные дискурсивные исходы. Один субъект присваивает смешанное имя. Другой пользуется несколькими регистрами, но сохраняет единичное имя. Третий признаёт термин, но отвергает его как слишком общий.

Полагаем, что результат о конфликте наиболее содержателен, но не окончателен. В одной модели M имело независимую связь с конфликтом, а S нет. Однако поперечный дизайн и статистически неопределённый контраст коэффициентов ($p = 0{,}104$) не позволяют нам утверждать, что напряжение возникает «до» имени или что имя не может на него влиять. Мы обосновали более узкий вывод. А именно, в данной спецификации доказательность связи выше для сообщаемой множественности, чем для смешанного ярлыка. То есть, данные не поддерживают стигматизацию самого самоназвания, но и не устанавливают механизм конфликта.

Полагаем, что для Казахстана наш вывод имеет особое значение. Макроописания национальной идентичности часто организованы вокруг

отношения этнического и гражданского, казахского и казахстанского, локального и транснационального [13–16]. Наши данные показывают микросоциальную сторону той же проблемы. Эти полюса соединяются не только в государственных формулах. Они ежедневно удерживаются отдельным субъектом. Его принадлежности могут быть множественными даже тогда, когда его самоназвание остаётся единичным. Следовательно, устойчивость общей гражданской рамки зависит не от устранения множественности, а от возможности проживать её без принудительного выбора и без хронического конфликта.

Сопоставление с ранее опубликованным исследованием онтологической гибридизации студенческой повседневности позволяет нам провести дополнительную границу. В той работе гибридность означала взаимопроникновение цифрового и физического в структуре реальности [21]. Здесь мы анализируем культурно-социальную множественность и её рефлексивное имя. Эти процессы могут пересекаться, но не должны смешиваться. Цифровая инфраструктура расширяет репертуар контактов и ролей, однако из этого не следует автоматическое смешанное самоназвание. Общим остаётся принцип асимметрии: социальная реальность меняется неодинаково по разным измерениям и не обязана сразу становиться прозрачной для субъекта.

Ограничения исследования

Наше исследование имеет шесть ограничений.

Во-первых, локальная неслучайная выборка с преобладанием участников 18–20 лет, мужчин и студентов технических и IT-направлений не репрезентирует студенчество Казахстана.

Во-вторых, поперечный дизайн не устанавливает временной порядок. Слово «до» в заглавии обозначает логическое несовпадение измеренных уровней, а не доказанную индивидуальную последовательность.

В-третьих, одиночный вопрос M объединяет культурные и социальные сообщества и не заменяет валидированную шкалу интеграции идентичности.

В-четвёртых, единичный выбор из пяти вариантов мог искусственно увеличить профиль M = 1, S = 0. Участник не мог одновременно выбрать, например, глобальную и смешанную идентичности.

В-пятых, дихотомизация упростила интерпретацию, но анализ чувствительности показал зависимость результата от порога кодирования.

В-шестых, самоотчёт подвержен общей вариативности метода и социальной желательности.

Соответственно, мы можем отметить, что будущие исследования должны сочетать многоответное самоописание, валидированные шкалы, когнитивные интервью и повторные измерения.

Заключение

Итак, в изученной нами выборке профиль M = 1, S = 0 охватил 48,7% участников (95% ДИ: 42,4–55,1) и 65,9% респондентов с множественной

принадлежностью (95% ДИ: 58,6–72,5). Множественность была связана с более высокими шансами смешанного самоназвания, но не делала его типичным. Половина носителей разрыва ранее встречала термин, а большинство выбрало его содержательную интерпретацию. Следовательно, мы можем заключить, что лексическая доступность не является достаточным объяснением самоназвания.

Главный наш вывод состоит в том, что гибридность аналитически продуктивнее мыслить как отношение между множественностью, словарём и режимом самоописания. В этой выборке конфликт был связан с M, но не с S. Такая асимметрия не доказывает ни временного первенства множественности, ни различия двух коэффициентов. Она переносит исследовательский вопрос с ярлыка на условия, при которых несколько принадлежностей становятся (или не становятся) единым именем «Я».

Понятие рефлексивного разрыва позволяет вернуть в анализ эту невидимую работу. Оно предохраняет исследователя от двух ошибок. А именно, объявлять гибридным всякого, чьи принадлежности множественны и считать негибридным всякого, кто не пользуется соответствующим именем.

Между социальной конфигурацией и словом расположен субъект. Он не только отражает свои связи, но и решает, какие из них сделать основанием публичного «Я». Поэтому опоздание карты не является её дефектом. Иногда это след свободы как право человека не совпасть с категорией, которая уже кажется очевидной наблюдателю.

Список литературы

1 Bhabha, H. K. (2012). The location of culture. The Location of Culture (pp. 1–408). Taylor and Francis. https://doi.org/10.4324/9780203820551

2 Hall, S. (2014). CULTURAL IDENTITY AND DIASPORA. In The Postcolonial Studies Reader, Third Edition (pp. 497–501). Taylor and Francis. https://doi.org/10.4324/9780429469039-101

3 Brubaker, R., Cooper, F. Beyond “identity”. Theory and Society 29, 1–47 (2000). https://doi.org/10.1023/A:1007068714468

4 Roccas, S., & Brewer, M. B. (2002). Social Identity Complexity. Personality and Social Psychology Review, 6(2), 88-106. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0602_01

5 Benet-Martínez, V. and Haritatos, J. (2005), Bicultural Identity Integration (BII): Components and Psychosocial Antecedents. Journal of Personality, 73: 1015-1050. https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x

6 Amiot, C. E., de la Sablonnière, R., Terry, D. J., & Smith, J. R. (2007). Integration of Social Identities in the Self: Toward a Cognitive-Developmental Model. Personality and Social Psychology Review, 11(4), 364-388. https://doi.org/10.1177/1088868307304091

7 Yampolsky, M. A., Amiot, C. E., & de la Sablonnière, R. (2016). The Multicultural Identity Integration Scale (MULTIIS): Developing a comprehensive measure for configuring one’s multiple cultural identities within the self. Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology, 22(2), 166–184. https://doi.org/10.1037/cdp0000043

8 Ward, C., Stuart, J., & Kus, L. (2011). The Construction and Validation of a Measure of Ethno-Cultural Identity Conflict. Journal of Personality Assessment, 93(5), 462–473. https://doi.org/10.1080/00223891.2011.558872

9 Hermans, H. J. M., & Dimaggio, G. (2007). Self, Identity, and Globalization in Times of Uncertainty: A Dialogical Analysis. Review of General Psychology, 11(1), 31-61. https://doi.org/10.1037/1089-2680.11.1.31

10 Giddens, A. (2020). Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. In The New Social Theory Reader (pp. 354–361). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003060963-59

11 Arnett, J. J. (2002). The psychology of globalization. American Psychologist, 57(10), 774–783. https://doi.org/10.1037/0003-066X.57.10.774

12 Schwartz, S. J., Unger, J. B., Zamboanga, B. L., & Szapocznik, J. (2010). Rethinking the concept of acculturation: Implications for theory and research. American Psychologist, 65(4), 237–251. https://doi.org/10.1037/a0019330

13 Schatz, E. (2000). The Politics of Multiple Identities: Lineage and Ethnicity in Kazakhstan. Europe-Asia Studies, 52(3), 489–506. https://doi.org/10.1080/713663070

14 Laruelle, M. (2014). The Three Discursive Paradigms of State Identity in Kazakhstan: Kazakhness, Kazakhstanness, and Transnationalism. In Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions (pp. 1–29). Bloomsbury Publishing Plc.

15 Sharipova, D. (2020), Perceptions of National Identity in Kazakhstan: Pride, Language, and Religion. Muslim World, 110: 89-106. https://doi.org/10.1111/muwo.12320

16 Бакытжан Ш., Тасболат А. Множественные идентичности в контексте биполярного общества: казахстанская модель // Адам әлемі, 2025. 103(2), 105-113. https://doi.org/10.48010/aa.v103i2.740

17 Harris, D. R., & Sim, J. J. (2002). Who is multiracial? Assessing the complexity of lived race. American Sociological Review, 67(4), 614–627. https://doi.org/10.2307/3088948

18 Campbell, M. E. (2007). Thinking outside the (black) box: Measuring black and multiracial identification on surveys. *Social Science Research*, *36*(3), 921–944. https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2006.07.001

19 Townsend, S. S. M., Markus, H. R., & Bergsieker, H. B. (2009). My choice, your categories: The denial of multiracial identities. Journal of Social Issues, 65(1), 185–204. https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2008.01594.x

20 Шайкемелев М.С. Методология этносоциальных исследований: анализ зарубежного и казахстанского опыта исследований этничности // Аль-Фараби. – 2022. – Т. 79, № 3. – С. 122–138. https://doi.org/10.48010/2022.3/1999-5911.09

21 Sabitov AG, Knar Bisenbaev A and Jamanbalayeva SE (2026) Asymmetric ontological hybridization: a sociological snapshot of a local student community. Front. Hum. Dyn. Volume 8 - 2026 | https://doi.org/10.3389/fhumd.2026.1835603

Transliteration

1 Bhabha, H. K. (2012). The location of culture. The Location of Culture (pp. 1–408). Taylor and Francis. https://doi.org/10.4324/9780203820551

2 Hall, S. (2014). CULTURAL IDENTITY AND DIASPORA. In The Postcolonial Studies Reader, Third Edition (pp. 497–501). Taylor and Francis. https://doi.org/10.4324/9780429469039-101

3 Brubaker, R., Cooper, F. Beyond "identity". Theory and Society 29, 1–47 (2000). https://doi.org/10.1023/A:1007068714468

4 Roccas, S., & Brewer, M. B. (2002). Social Identity Complexity. Personality and Social Psychology Review, 6(2), 88-106. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0602_01

ISSN 1999-5911 (Print)
ISSN 2960-2173 (Online)

5 Benet-Martínez, V. and Haritatos, J. (2005), Bicultural Identity Integration (BII): Components and Psychosocial Antecedents. Journal of Personality, 73: 1015-1050. https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x

6 Amiot, C. E., de la Sablonnière, R., Terry, D. J., & Smith, J. R. (2007). Integration of Social Identities in the Self: Toward a Cognitive-Developmental Model. Personality and Social Psychology Review, 11(4), 364-388. https://doi.org/10.1177/1088868307304091

7 Yampolsky, M. A., Amiot, C. E., & de la Sablonnière, R. (2016). The Multicultural Identity Integration Scale (MULTIIS): Developing a comprehensive measure for configuring one's multiple cultural identities within the self. Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology, 22(2), 166–184. https://doi.org/10.1037/cdp0000043

8 Ward, C., Stuart, J., & Kus, L. (2011). The Construction and Validation of a Measure of Ethno-Cultural Identity Conflict. Journal of Personality Assessment, 93(5), 462–473. https://doi.org/10.1080/00223891.2011.558872

9 Hermans, H. J. M., & Dimaggio, G. (2007). Self, Identity, and Globalization in Times of Uncertainty: A Dialogical Analysis. Review of General Psychology, 11(1), 31-61. https://doi.org/10.1037/1089-2680.11.1.31

10 Giddens, A. (2020). Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. In The New Social Theory Reader (pp. 354–361). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003060963-59

11 Arnett, J. J. (2002). The psychology of globalization. American Psychologist, 57(10), 774–783. https://doi.org/10.1037/0003-066X.57.10.774

12 Schwartz, S. J., Unger, J. B., Zamboanga, B. L., & Szapocznik, J. (2010). Rethinking the concept of acculturation: Implications for theory and research. American Psychologist, 65(4), 237–251. https://doi.org/10.1037/a0019330

13 Schatz, E. (2000). The Politics of Multiple Identities: Lineage and Ethnicity in Kazakhstan. Europe-Asia Studies, 52(3), 489–506. https://doi.org/10.1080/713663070

14 Laruelle, M. (2014). The Three Discursive Paradigms of State Identity in Kazakhstan: Kazakhness, Kazakhstanness, and Transnationalism. In Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions (pp. 1–29). Bloomsbury Publishing Plc.

15 Sharipova, D. (2020), Perceptions of National Identity in Kazakhstan: Pride, Language, and Religion. Muslim World, 110: 89-106. https://doi.org/10.1111/muwo.12320

16 Baky`tzhan Sh., Tasbolat A. Mnozhestvenny`e identichnosti v kontekste bipolyarnogo obshhestva: kazaxstanskaya model` [Multiple identities in the context of a bipolar society: the Kazakhstan model] // Adam əlemi, 2025. 103(2), 105-113. https://doi.org/10.48010/aa.v103i2.740

17 Harris, D. R., & Sim, J. J. (2002). Who is multiracial? Assessing the complexity of lived race. American Sociological Review, 67(4), 614–627. https://doi.org/10.2307/3088948

18 Campbell, M. E. (2007). Thinking outside the (black) box: Measuring black and multiracial identification on surveys. Social Science Research, 36(3), 921–944. https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2006.07.001

19 Townsend, S. S. M., Markus, H. R., & Bergsieker, H. B. (2009). My choice, your categories: The denial of multiracial identities. Journal of Social Issues, 65(1), 185–204. https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2008.01594.x

20 Shajkemelev M.S. Metodologiya e`tnosocial`ny`x issledovanij: analiz zarubezhnogo i kazaxstanskogo opy`ta issledovanij e`tnichnosti [Methodology of Ethnosocial Research: An Analysis of Foreign and Kazakhstani Experience in Studying Ethnicity] // Al`-Farabi. – 2022. – T. 79, № 3. – S. 122–138. https://doi.org/10.48010/2022.3/1999-5911.09

21 Sabitov AG, Knar Bisenbaev A and Jamanbalayeva SE (2026) Asymmetric ontological hybridization: a sociological snapshot of a local student community. Front. Hum. Dyn. Volume 8 - 2026 | https://doi.org/10.3389/fhumd.2026.1835603

Сабитов А.Ғ., Танабаева А.С., Бакарасов Д.В., Нұрмұратов С.Е., Ж.Н. Бекенова

Өзін-өзі атауға дейінгі гибридтілік: Қазақстандық студенттер сауалнамасы негізіндегі бірегейліктің рефлексивті алшақтығы

Аңдатпа. Мақалада тәжірибеде сезілетін көптік тиесілік пен оны айқын түрде атаудың арасындағы әдіснамалық тұрғыдан маңызды сәйкессіздік зерттеледі. Бұл сәйкессіздік бірегейліктің рефлексивті алшақтығы деп анықталады. Эмпирикалық негізді 2026 жылғы 13–25 ақпан аралығында Қазақстан студенттері арасында жүргізілген электрондық сауалнаманың 234 жауабы құрады. Көптік тиесілік бірнеше мәдени немесе әлеуметтік қауымдастыққа бір мезгілде жататынын мойындаумен, ал айқын өзін-өзі атау «аралас» нұсқасын таңдаумен өлшенді. Түйіндестік кестелері, Пирсонның χ^2 критерийі, φ коэффициенті және бинарлық логистикалық регрессия қолданылды. Респонденттердің 73,9%-ы көптік тиесілікті көрсетті. Алайда бүкіл іріктеменің 25,2%-ы ғана әрі көптік тиесілікті мойындап, әрі өзін «аралас» деп атады. Рефлексивті алшақтық іріктеменің 48,7%-ын (95% CA: 42,4–55,1) және көптік тиесілігі бар студенттердің 65,9%-ын (95% CA: 58,6–72,5) қамтыды. Бұл топтың тең жартысы «гибридті бірегейлік» терминін бұрын естіген. Демек, алшақтықты сөздік қордың жетіспеуімен ғана түсіндіруге болмайды. Көптік тиесілік «аралас» өзіндік атаудың жоғары ықтималдығымен байланысты болды (МҚ = 2,38; 95% CA: 1,11–5,11) және дәстүрлі құндылықтар мен қазіргі өмір салты арасындағы ішкі қақтығыспен байланысты болды (түзетілген МҚ = 2,64; 95% CA: 1,36–5,15). Ал «аралас» өзіндік атаудың өзі қақтығыспен тәуелсіз байланыс көрсетпеді. Нәтижелер тәжірибелік көптік пен өзіндік атаудың бір мезетте сәйкес келмеуі мүмкін екенін көрсетеді; көлденең дизайн олардың уақыттық ретін анықтамайды.

Түйін сөздер: гибридті бірегейлік, көптік тиесілік, өзін-өзі атау, рефлексивті алшақтық, студент жастар, Қазақстан, ішкі қақтығыс.

F. Sabitov, F. Tanabayeva, D. Bakarassov, S. Nurmuratov, Zh. Bekenova

Hybridity Before Self-Naming: the Reflexive Identity Gap in a Survey of Kazakhstani Students

Abstract. This article examines the mismatch between reported multiple cultural-social belonging and the selection of a "mixed" identity. The observed mismatch is conceptualized as a reflexive identity gap. The data come from a non-probability online survey of 234 students conducted on 13–25 February 2026. Cross-tabulations, Pearson's chi-square, phi, and binary logistic regression were used. Multiple belonging was reported by 73.9% of respondents. The profile combining multiple belonging with no mixed self-label comprised 48.7% of the sample (95% CI: 42.4–55.1) and 65.9% of respondents with multiple belonging (95% CI: 58.6–72.5). Half of this group had encountered the term "hybrid identity," and 78.1% selected a substantive interpretation of it. Multiple belonging was associated with higher odds of mixed self-naming (OR = 2.38; 95% CI: 1.11–5.11) and identity conflict (adjusted OR = 2.64; 95% CI: 1.36–5.15); mixed self-naming was not independently associated with conflict. The reflexive gap denotes a relationship between survey responses, not a psychological deficit or a demonstrated temporal stage. Practical multiplicity may remain without a dominant mixed self-label even when the relevant vocabulary is available.

***Keywords*:** hybrid identity, multiple belonging, self-naming, reflexive gap, university students, Kazakhstan, identity conflict.

Вклад авторов: **Сабитов А.Г.,** разработка концепции и постановка исследовательской проблемы; определение целей и задач исследования; разработка методологии; **Танабаева А.С.,** проведение теоретического анализа и обзор научной литературы; сбор и систематизация материалов исследования; анализ основных научных подходов по теме статьи; **Бакарасов Д.В**., проведение аналитической части исследования; обработка и интерпретация полученных результатов; подготовка таблиц, материалов и аналитических выводов; **Нурмуратов С.Е., Ж.Н. Бекенова** участия в обсуждении и интерпретации результатов; формулирование выводов и научных положений; редактирование и окончательная доработка рукописи; общее научное руководство исследованием.

Поступила: 15.08.2026
Принята:14.10.2026